

ОБЩЕСТВО



У нас есть конкретные дети, которым в федеральном институте на слова «Мы уже везде были, никто нам помочь не может, пишите нам, чтобы нас направили за рубеж» говорят: «Ну, если нам президент позвонит, может, мы такую бумагу и напишем».

— **А есть случаи, что кому-то такое направление дали и ребёнок поехал лечиться?**

— Мы слышали, что в других регионах подобное было, но найти таких людей пока не можем. Мне лично ситуация непонятна. Есть вероятность, что в Минздраве России никто не давал им указаний не писать такие бумаги, просто дело в людях. Если выйти на федеральный минздрав, может быть, они позвонят по конкретному ребёнку в институт и скажут: «Давайте отправлять», — тогда они там всё напишут.

У нас есть и по этому поводу предложения. Мы считаем, что краевому минздраву надо заключить отдельное соглашение с Министерством здравоохранения РФ с определением контактных лиц. Не вижу никакой проблемы контролировать хотя бы всех наших тяжело больных ребят, которые лечатся в федеральных центрах. Пусть будет список, и Министерство здравоохранения Пермского края знает, кто в нём. Он и сейчас есть! Нужно, чтобы родители могли позвонить конкретному лицу в краевом минздраве и попросить о содействии. Тогда и отношение родителей к министерству было бы другое.

Что касается других проблем — их гораздо меньше, чем кажется на бытовом уровне. Никто не ходит голым ни в детдомах, ни в приютах. С питанием там всё в порядке, да и со всем остальным... С системой не в порядке.

Наша позиция прежняя, и она только обостряется с получением опыта: институциональные формы содержания детей непозволительны! Этого просто не должно быть, это должно быть запрещено! Мы будем над этим работать и сейчас работаем.

На данный момент вариантов легальной работы два. Один — отдавать детей в семьи, второй — пытаться что-то делать с ребятами в самих детдомах. Но по второму варианту практически всё, что бы ты ни делал, не может кардинально изменить ситуацию. Это только «скорая помощь». И даже такая форма, как наставничество, сегодня, к сожалению, не сработает, если только не ехать и не жить вместе с ребятами в детдомах.

— **Что тогда можно сделать?**

— У нас есть в крае проблемы, которые, как мы видим, рождаются из наших же достоинств. Известно, что у нас огромное количество детей из детдомов передаётся в семьи. Больше, чем в среднем по России. Но сами детские дома — не в материальном плане, а в идеологическом и во всех остальных — находятся на «доисторической» ступени развития. Мало того, при последней оптимизации они все укрупнились. Это невероятный вообще процесс в современном мире — укрупнение детдомов!

Есть другая проблема: не отслеживается цепочка оказания услуги — как это происходит, от заказчика до получателя. Например, мы хотим создать проект по подготовке детей перед выпуском из детского дома в самостоятельную жизнь, чтобы это преподавалось как отдельный предмет. Нам говорят, что это «текущие полномочия министерства социального развития и администраций детдомов». Но мы видим, что проблема существует, и её нужно решать.

Или взять, например, диспансеризацию. Есть проблема с контролем здоровья детей. Нам говорят, что «всех лечат и ежегодно проверяют». По бумагам всё отлично. На самом деле это не так.

— **А вы готовы взять на себя, например, проект по подготовке детей к самостоятельной жизни? Ведь с тем количеством детей, которые содержатся сегодня в детдомах, и числом сотрудников, которые ими занимаются, это представляется маловероятным.**

— Да, это нереально. Мы видим, что в подавляющем большинстве директора и воспитатели детдомов — хорошие люди. Но когда у тебя 120 детей... Это как дать человеку телегу и сказать, чтобы он обогнал «Феррари».

Мы до сих пор находимся в стадии изучения этой сферы. С детскими домами нам более или менее становится понятно, какие есть проблемы, понятно и то, что в той форме, в которой их пытаются решить сегодня, сделать это невозможно. У нас есть некоторые возмож-

ности по «скорой помощи», которую мы оказываем сейчас.

Моё личное убеждение: выход — либо в создании сети профессиональных семей, либо в устройстве детей в детские дома семейного типа. Скорее всего, потребуется и то, и другое, поскольку всё-таки в профессиональные семьи пока некоторых детей устроить невозможно.

— **Вы находите какое-то взаимопонимание с руководством края, что эти проблемы нужно решать?**

— Пока мы не делали конкретного предложения, сейчас мы над ним работаем, изучаем разные формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей.

К сожалению или счастью, у меня пока нет окончательных выводов по нашим чиновникам. В органах власти есть много адекватных людей. По Министерству социального развития Пермского края нам особенно нравятся опыт взаимодействия. Это реально хорошие компетентные люди.

У меня оптимистичный настрой. Возможно, у чиновников сейчас нет желания самим что-то менять, но они как минимум идут с нами на сотрудничество, слушают наши предложения. Мы входим в координационный совет при губернаторе. Плотный диалог ведётся с конца апреля, в рамках работы над программой о семье и детях в том числе. Главное, чтобы общение не прекратилось — рано или поздно мы придём к какому-то «общему знаменателю». ■